

О связи правопонимания с политикой и экономикой

Аннотация. Статья посвящена фундаментальным вопросам современного правового регулирования, в частности его основаниям и пределам. Автор обосновывает позицию, согласно которой отсутствие определенных сущностных императивов права, позволяющих направлять и ограничивать функционирование публичных органов власти, иных субъектов, осложняет деятельность последних, допускает ее непоследовательность и стихийность, создает условия для восприятия права как своего рода «оформителя» экономических, политических и других отношений. Кроме того, по мнению автора, отсутствие единых концептуальных критериев при определении сущности права приводит к дисбалансу в общественных отношениях, к их турбулентности на всех уровнях (национальном, международном и др.) и в итоге пагубно отражается на жизнедеятельности и безопасности человека, общества и государства.

Отмечается, что на современном этапе развития цивилизации именно экономика с ее интересами и принципами выступает «нервом», главным движущим механизмом в вопросе признания статутности субъекта-государства. С точки зрения автора, экономические интересы и отношения сегодня формируют мировую повестку, задают тон политическим, правовым отношениям, а нередко и прямо корректируют ценностные основы иных социальных регуляторов.

Автор резюмирует, что в целом сложившаяся на международно-правовом пространстве ситуация, связанная с отсутствием общепризнанной доктрины правопонимания, а также с изменчивостью и противоречивостью взглядов в области прав и свобод человека, базирующихся на естественно-правовом подходе, дает возможность некоторым субъектам в процессе их политической деятельности произвольно толковать и навязывать те или иные решения и позиции, исходя из собственных ресурсов и потенциала, то есть позволяет узурпировать право, сделать его инструментом манипуляций и шантажа в области политики, экономики, культуры, экологии и т.д. с целью создания наиболее выгодных условий и получения ожидаемых результатов.

Таким образом, естественно-правовой подход к праву, с одной стороны, нуждается в переосмыслении, трансформации, с другой — в доработке либо в детальном анализе с целью его учета при построении оригинальной концепции правопонимания.

Ключевые слова: правопонимание; экономика; право; политика; философия права; сохранение природы человека; естественное право; толкование права; публичная власть.

Для цитирования: Гильмуллин А. Р. О связи правопонимания с политикой и экономикой // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 80–88. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.080-088.

© Гильмуллин А. Р., 2021

* Гильмуллин Айнура Разифович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008

gilmullinainur@yandex.ru

On the Connection between Legal Understanding and Politics and Economics

Aynur R. Gilmullin, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
gilmullinainur@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the fundamental issues of modern legal regulation, in particular, its grounds and limits. The author substantiates the position according to which the absence of certain essential imperatives of law that help direct and restrict the functioning of public authorities and other subjects, complicates the activities of the latter, concedes its inconsistency and spontaneity, creates conditions for the perception of law as a kind of "designer" of economic, political and other relations. According to the author, the lack of unified conceptual criteria in determining the essence of law leads to an imbalance in public relations, to their turbulence at all levels (national, international, etc.) and as a result has a detrimental effect on the life and security of a person, society and the state.

The author notes that at the present stage of civilization development, it is the economy with its interests and principles that acts as the "nerve", as the main driving mechanism in recognizing the status of the subject state. From the author's point of view, economic interests and relations today form the world agenda, set the tone for political and legal relations, and often directly correct the value bases of other social regulators.

The author summarizes that in general, the current situation in the international legal space, associated with the lack of a generally recognized doctrine of legal understanding alongside the variability and inconsistency of views in the field of human rights and freedoms based on the natural law approach, allows some subjects to arbitrarily interpret and impose certain decisions and positions in the course of their political activities, based on their own resources and potential. This supports law usurpation, making it an instrument of manipulation and blackmail in the field of politics, economics, culture, ecology, etc. in order to create the most profitable conditions and obtaining the expected results.

Thus, the natural law approach, on the one hand, needs to be rethought, transformed, on the other hand, it needs to be refined or analyzed in detail when building an original concept of legal understanding.

Keywords: legal understanding; economics; law; politics; philosophy of law; preservation of human nature; natural law; interpretation of law; public power.

Cite as: Gilmullin AR. O svyazi pravoponimaniya s politikoy i ekonomikoy [On the Connection between Legal Understanding and Politics and Economics]. *Lex russica*. 2021;74(8):80-88. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.080-088. (In Russ., abstract in Eng.).

Отсутствие в теории и практике общего подхода к пониманию права в целом является негативным фактором, допускающим произвольное принятие, применение и толкование юридических актов представителями органов публичной власти, а также усложняющим процесс право-реализации в отношении иных членов общества и государства.

Данная проблема не только актуальна в рамках национального правового регулирования, но и прямо транслируется на международные отношения и внешнюю политику государств. Отсутствие единых концептуальных критериев при определении сущности права приводит к дисбалансу в общественных отношениях, их турбулентности на всех уровнях (национальном, международном и др.) и в итоге пагубно отражается на жизнедеятельности и безопасности человека, общества и государства.

Как показывает международная правовая практика, в процессе межгосударственного регулирования общественных отношений и разрешения тех или иных конфликтных, спорных ситуаций в первую очередь между государствами возникают принципиальные разногласия по тем или иным концептуальным вопросам в различных областях (экономика, законодательство, экология, безопасность и пр.). Разумеется, в таких ситуациях каждая из сторон старается исходить из собственных интересов, потенциала и сил (могущества), своего понимания права и отстаивать те или иные категории и принципы. Аналогичные негативные подходы распространены и в области применения, толкования юридических документов в процессе международной судебной деятельности. В целом, как отмечает В. Н. Жуков, «современную международную жизнь определяет не культура в форме права или высокой гуманистической

морали, а примитивные животные механизмы, приправленные respectable политической пропагандой»¹.

В настоящее время в практике международного взаимодействия вопрос правопонимания, а точнее место и роль «прав человека», государственная система их признания и защиты, является своего рода лакмусовой бумажкой при вступлении, интегрировании того или иного государства в содружество развитых демократических стран. Официально от того, какое содержание и значение имеют права человека в государственном образовании, каково в нем отношение к международным ценностям, подкрепляющим международное право в области прав человека (values underpinning international human rights law), и каков уровень свободного развития личности, непосредственно зависит место государства на международной политической, экономической и культурной арене, его роль в процессе взаимодействия стран. Кроме того, как показала практика международной экономической интеграции в некоторых локациях, именно наличие таких ценностей, как права человека, уровень демократического устройства и управления, доступность правосудия, верховенство закона, является определяющим фактором при выстраивании стратегических отношений между государствами, союзами и т.д. Иллюстрациями к данному утверждению могут служить Копенгагенские критерии вступления стран в Европейский Союз (ЕС), основанные на принципах демократии, свободы и уважения прав человека, правового государства, защиты прав меньшинств, рыночной экономики и т.д., а также преамбула Договора о Евразийском экономическом союзе, в которой отмечено, что члены Союза договорились действовать, в том числе «руководствуясь принципом суверенного равенства государств, необходимость безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина...»². То есть проводимая европейскими и евразийскими государствами социальная, правовая, экономическая и культурная политика, наряду с другими положениями, требует от государств, претендующих на место в ряду вышеназванных стран,

а также на включение в европейское или евразийское экономическое сообщество, наличия связанных с правами человека ценностей, их признания, соблюдения и защиты. Наглядным примером является ситуация с приобретением Украиной полноправного членства в ЕС. Как отмечали средства массовой информации, «для вступления в ЕС Украина должна соответствовать политическим и экономическим условиям, общеизвестным как Копенгагенские критерии: стабильное демократичное правительство, признающее верховенство закона и соответствующих свобод и институтов»³.

Стоит отметить, что следствием рассмотренных выше особенностей международно-правовой интеграции являются как позитивные, так и негативные сценарии развития общественных отношений. К позитивным тенденциям можно отнести то, что система обеспечения и защиты прав человека устанавливается на высоком международном уровне; международные интеграции создают ценностные стимулы и принципы, задают правовые стандарты защиты прав человека и побуждают другие страны разделить выработанную в ходе такого взаимодействия точку зрения на права человека. Следовательно, они ориентируют страны-кандидаты на человекоцентристское правопонимание и демократическое, либеральное устройство общества и государства.

В качестве негативного фактора в первую очередь стоит выделить абстрактно-декларативную форму выражения прав человека. То есть из-за отсутствия общепризнанной концепции правопонимания, во-первых, возрастают риски произвольного толкования прав человека и монополизма в вопросе их понимания с опорой на силу, ресурсы и т.д., во-вторых, имеет место нерациональное (произвольное), в ряде случаев популистское расширение прав человека, не имеющее никакого научного обоснования и целесообразности. Данные негативные факторы могут проявляться как на уровне международных отношений, так и на уровне национальных государств. В качестве примера можно привести критику А. Дайси, который, анализируя требование о закреплении в законе свободы слова, говорил, что в таком случае

¹ Жуков В. Н. Философия права : учебник для вузов. М. : Мир философии ; Алгоритм, 2019. С. 407.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: eec.eaeunion.org (дата обращения: 09.04.2021).

³ Одни проблемы: что мешает Украине попасть в ЕС // URL: https://news.rambler.ru/world/43575853/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 09.04.2021).

можно прийти до требования закрепить в законе право завязывать шнурки на ботинках⁴.

Кроме того, как известно, в основном процессы международно-правовой интеграции опосредованы стремлением государств к установлению международной экономической интеграции, то есть к сотрудничеству и взаимодействию для создания взаимовыгодного «общего рынка» с целью развития региональной экономики, повышения благосостояния и конкурентоспособности своих государств, создания противовесов для государств-конкурентов и т.д. Тенденция применения ко всему так называемого экономического подхода именуется в науке «экономическим империализмом»⁵. Стремление к экономическому доминированию в мире одной страны или интеграционного образования продиктовано их желанием приобрести превалирующий статус, играть ключевую роль в мировой политике. Как указывает экономист Р. Франк, «многое из относимого нами к экономическому интересу на самом деле есть требование признания статуса, или того, что он называет позиционными благами»⁶.

Именно в таких случаях, на наш взгляд, возрастают риски произвольного (в том числе неправового) принятия решений и совершения действий. В целях легализации (узаконивания) экономические отношения, решения и действия, независимо от их уровня (национальные, международные), неизменно нуждаются во взаимодействии с правом. В борьбе за лидерство в мировой экономике некоторые страны, экономические интеграции и глобальные корпорации в целях сохранения и наращивания своего экономического могущества и статуса прибегают к различным интерпретациям международного права, манипулируют

им либо вовсе игнорируют его. Очевидно, что доминирование страны в мировой экономике и, соответственно, преимущество, вытекающее из такого доминирования, позволяют заранее переводить переговорный процесс на совершенно другой, неравный, преимущественный уровень. Как отмечают эксперты, «Америка располагает доминирующей переговорной позицией в торговых спорах с любой страной мира (или группой стран). Во многом это следствие того, что экономическая зависимость США от внешнего мира существенно ниже, чем у других государств»⁷. Такое доминирование позволяет властным структурам США прямо высказывать свои амбиции: «Я верю в исключительность Америки всеми фибрами души»⁸, тем самым, по мнению В. Д. Зорькина, объявляя американцев и Америку «гораздо более равными», чем всё остальное население и все страны нашей планеты⁹. Американский профессор Школы государственного управления имени Кеннеди при Гарвардском университете Стивен М. Уолт, рассуждая об исключительности Америки, заметил следующее: «Рональд Рейган говорил согражданам, что Америка появилась на свете по “Божьему промыслу”, и как-то процитировал слова Папы Пия XII: “Америке вручил Господь судьбы многострадального человечества”. Однако американцам стоило бы прислушаться и к предостережению Авраама Линкольна, который говорил: “Больше всего нас должен волновать вопрос: ‘А сами мы на стороне Бога?’”»¹⁰, тем самым давая понять американцам, что следует начать с куда более скептического взгляда на саму идею «американской исключительности».

Таким образом, сегодня наравне с вопросами обороны и безопасности, культурно-этниче-

⁴ См.: Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. М. : Норма, 2004. 832 с.

⁵ См.: Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003 ; Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 1993 ; Он же. Природа фирмы. М., 2001.

⁶ Цит. по: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ : Люкс, 2004. С. 46.

⁷ Королев И. С. Американцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты) // Анализ и прогноз. 2020. № 1. С. 13.

⁸ Цит. по: Воробьев В. Какой покой несет миру Обама: США берут на себя исключительную роль нации — устроителя нового миропорядка // Российская газета. 2014. № 133 (6405). URL: <https://rg.ru/2014/06/18/obama.html> (дата обращения: 09.04.2021).

⁹ Зорькин В. Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2019. С. 131.

¹⁰ Минин Д. Вера американцев в свою исключительность: от Обамы до Маккейна // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2013/09/22/vera-amerikancev-v-svoju-iskluchitelnost-ot-obamy-do-makkejna-22978.html> (дата обращения: 11.03.2021).

ской близости в первую очередь именно экономика с ее интересами и принципами выступает «нервом», главным движущим механизмом в вопросе признания статности субъекта-государства. Экономические интересы и отношения формируют мировую повестку, задают тон политическим, правовым отношениям, а нередко и прямо корректируют ценностные основы иных социальных регуляторов. Рассуждая о современном миропорядке, первый президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали в своей книге «Краткая история будущего» лаконично констатирует: «Ситуация проста: нашим миром правят рыночные механизмы».

На наш взгляд, сложившаяся экономическая конъюнктура, а именно ее отношение к праву как нормативному средству для оформления тех или иных экономических и политических отношений, не может не вызывать вопросов и опасения, и, самое главное, обусловлена она не отказом от права как элемента культуры всей цивилизации, а отсутствием системного, концептуального понимания сущности права, его меры (границ). То есть существующие формальные права человека не позволяют идентифицировать право как онтологический, гносеологический феномен, имеющий собственное, присущее только ему содержание. Отсутствие определенных сущностных императивов права (и, следовательно, концепции правопонимания), предоставляющих возможность направлять, ограничивать функционирование публичных органов власти и других субъектов, осложняет деятельность последних, допускает ее непоследовательность и стихийность, позволяет им относиться к праву как к своего рода «оформителю» экономических, политических и иных отношений.

Кроме того, «правильная» с точки зрения экономических принципов (законов) интерпретация абстрактных естественных прав позволяет субъектам создать выгодные, необходимые им юридические условия, обосновать те или иные принимаемые в области экономики решения как на уровне частного партнерства, так и на уровне публичных отношений.

Как известно, еще К. Маркс рассматривал экономику как базис общества, а право — как часть его надстройки. Совокупность производственных отношений «составляет экономическую структуру общества, реальный базис, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка», писал К. Маркс¹¹. Соответственно, право признавалось вторичным по сравнению с экономическими отношениями; масштабные изменения в экономике неизбежно влекли за собой изменения в правовом регулировании¹². По мнению Г. А. Гаждиева, в XX в. экономистами был брошен сильнейший вызов нашей догматической юриспруденции: «Мы смотрим на право с нашей экономической точки зрения и видим, что надо извлечь из права основной стержень. Надо извлечь вашу ориентировку только на идеи справедливости. А вместо справедливости вставить другой основополагающий стержень — экономическую эффективность. И тогда все встанет на место. И тогда право станет более совершенным»¹³.

Большинство современных государств в вопросах установления и развития экономики исходят из построения свободных рыночных отношений с минимальной ролью государства, которое якобы посредством юридических средств (поддержка конкуренции, равенство форм собственности, запрет монополизации и т.д.) должно выступать в роли «ночного сторожа», то есть обеспечивать лишь функционирование рыночной экономики (Дж. Хикс, Ф. Хайек). Как отмечается в литературе, «в рыночной модели экономики государственное регулирование сферы производства и распределения товаров и услуг сведено до минимума. Это обеспечивает простор личной инициативы и развивает в гражданах творческое отношение к созидательной деятельности, а заинтересованность в ее результатах позволяет повысить ответственность индивидуума за свои решения. Автономия производителей от государства и личная ответственность за результаты заставляет их работать с полной отдачей сил, на свой страх и риск»¹⁴. В целом позитивно оценивая

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 6–7.

¹² Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М.: ИЗСП : Норма : Инфра-М, 2021. С. 6.

¹³ Цит. по: Пути развития философии права в России: круглый стол Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН (Москва, 7 декабря 2016 г.) // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 13.

¹⁴ Алпатов А. А. Право и экономика: вопросы соотношения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 6–7.

экономические отношения, важно подчеркнуть, что экономическое развитие является своего рода локомотивом прогресса, ресурсным инструментарием для повышения качества и уровня жизни человека и общества, а также способствует достижению высокого уровня конкурентоспособности государства, расширяет его трудовой потенциал. Как известно, экономические отношения базируются в том числе на так называемых экономических законах (принципах) роста производительности труда, экономии времени, денежного обращения и т.д., выступающих своего рода привычными образцами поведения в данной области. При этом, как отмечается в литературе, «экономическими теоретиками современности пишется множество исследований, доказывающих, что единственная забота актора-предпринимателя — это прибыльность его деятельности... и что он будет тем успешнее, чем меньше станет вспоминать о морали и каких-либо социальных последствиях своих действий»¹⁵. Как пишет немецкий философ Юрген Хабермас, «рыночный язык проник сегодня во все поры, он загоняет все межчеловеческие отношения в схему эгоистической ориентации на собственные предпочтения каждого»¹⁶. Таким образом, нельзя не отметить тот факт, что произвольные (то есть никак не контролируемые императивами права) экономические отношения, их интересы и принципы формируют непредсказуемые ценности и нормы поведения.

Казалось бы, естественно-правовые принципы и ценности, одобренные большинством мирового сообщества и принятые однажды (как ответ произволу и бесправию) в форме фундаментальных документов (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах) на самом высоком международном уровне (ООН), должны: преграждать путь к узурпации права, правовой дискриминации; содержать эффективные юридические механизмы и институты, не позволяющие переходить границы правовых установлений, и выступать эффективным регулятором; обеспечивать равенство и побуждать к устройству справедливого общества и государства. Вместо этого, как отмечается в правовой доктрине,

права и свободы человека, базирующиеся на естественно-правовом подходе, под влиянием глобализации, интеграции, унификации и постмодернизма переживают очередную трансформацию своего содержания, наблюдается дезинтеграция и разобщенность позиций в вопросах их понимания.

На наш взгляд, для доктрины естественного права характерна изменчивость, противоречивость. В процессе исторического развития содержание и перечень естественных прав видоизменялись и пополнялись новыми доктринальными положениями и выводами, содержащими представления о новых свободах (принципах, ценностях), что осложняло идентификацию сущности естественного права как самостоятельного нормативного (общеобязательного) социального регулятора. Указанные проблемы стали следствием отсутствия концептуально-теоретического подхода к пониманию сущности и формы естественного права (как известно, авторы концепции естественного права также оставили открытым вопрос о формальном выражении естественного права). Как точно отметил в этой связи Г. Кельзен, «представители этого учения провозглашали не одно естественное право, но множество разных, противоречащих друг другу естественных прав»¹⁷. Кроме того, отсутствие единой стержневой идентичности и научной консолидации в вопросах определения сущности и формы естественного права и в целом правопонимания в конечном итоге создало сумбур прав и привело к хаосу, что на современном этапе позволяет произвольно и спекулятивно подходить к их содержанию и, следовательно, к официальному установлению, применению и толкованию. В частности, философы и юристы обращают внимание на следующие тревожные факторы, обусловленные феноменом прав человека. Так, академик А. В. Смирнов в одном из интервью справедливо задается вопросом: «Международное право, которое олицетворял собой Запад, в то время как коммунистические страны, говорили нам, действуют вразрез с международным правом. А сегодня разве этот правовой дискурс в ходу у наших западных друзей? Нет, конечно. Сегодня говорят не о праве, а о правилах поведения — кто себя хорошо ведет, кто плохо. Россия “должна изменить свое

¹⁵ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы : пер. с нем. М. : Весь мир, 2002. С. 126.

¹⁷ Цит. по: Хабермас Ю. Указ. соч. С. 277.

поведение”, говорят нам. А кто будет определять, какое поведение хорошее, а какое дурное? В результате того, что мир перестал быть биполярным, мы переживаем очень опасный, мне кажется, период, когда возможна узурпация права на истину со всеми вытекающими последствиями»¹⁸. Академик В. Н. Руденко отмечает, что «ранее стабильные согласительные политические системы были ввергнуты в полосу глубокого кризиса, создавшего благодатную почву для современного европейского популизма»¹⁹. «Популистские сценарии защиты прав человека в условиях этого кризиса являются по большей части экстремистскими модернизационными проектами со смутными перспективами реализации»²⁰.

Отсутствие концептуальной, общепризнанной доктрины естественного права и наличие разобщенных, противоречащих друг другу позиций относительно естественных прав закладывает целый ряд угроз для человека и общества. В частности, посредством произвольной интерпретации не исключены: дискредитация первоначального, исходного смысла и назначения естественного права; создание очередных субъективистских, нерациональных (неправовых) свобод, новых прецедентных практик под эгидой естественного права, не имеющих ничего общего с подлинными правами человека и нарушающих их.

Монополизация понимания и толкования прав человека может являться своего рода основанием для манипуляций и шантажа в области политики, экономики, культуры, экологии и т.д. с целью создания наиболее выгодных условий и достижения ожидаемых результатов, что не имеет ничего общего с соблюдением подлинных прав человека. Об этом, в частности, еще в конце XX в. говорил американский правовед Г. Дж. Берман: «Право, раньше казавшееся “естественным”, оказывается всего лишь “западным”»²¹.

Таким образом, не исключено, что для некоторых субъектов в процессе их политической деятельности отсутствие доктрины правопонимания может быть «удобным», и это обстоя-

тельство оценивается ими позитивно (*с позиции «нет закона — нет греха»*), поскольку позволяет произвольно толковать и навязывать те или иные решения и позиции, исходя из собственных ресурсов и потенциала, то есть узурпировать право, сделать его инструментом для манипуляций.

Вышеприведенные факторы, являющиеся небольшой частью современных вызовов, возникающих с правовой точки зрения, а точнее с позиции теории и философии права, обусловлены, как было отмечено в самом начале анализа, отсутствием признанной на глобальном (международном) уровне концепции (теории) правопонимания. Доминирующий, согласно основополагающим документам международного уровня, естественно-правовой подход к праву как фундаментальному инструменту для построения мирного, гуманного миропорядка сегодня, с одной стороны, нуждается в переосмыслении, трансформации, с другой — в доработке либо в детальном анализе с целью его учета при построении оригинальной концепции правопонимания.

На наш взгляд, оригинальная концепция правопонимания должна содержать правовые императивы, выраженные в равной форме свободы ответственности, способные сдерживать появление негативных факторов, опосредованных в том числе экономическими отношениями. Вне зависимости от значения экономического эффекта, экономической эффективности, прибыльности и пользы (в том числе частной или публичной) недопустимо пренебрегать (игнорировать, квазиинтерпретировать) императивами права. Иначе это приведет к произволу, дискредитации принципов верховенства и господства права. Право императивно, общеобязательно и непоколебимо, оно должно выступать правовым критерием для позитивного закона государства, а также для всех экономических, политических и иных категорий, таких как «польза», «правила», «эффективность», «востребованность» и пр. В этом заключается стабильность и эффективность правовой системы общества. Как точно наставлял И. Кант, «право

¹⁸ Цит. по: Новое измерение в науке // В мире науки. 2020. № 1–2. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/novoe-izmerenie-v-nauke-v-mire-nauki-1-2-2020> (дата обращения: 02.03.2021).

¹⁹ Руденко В. Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 144.

²⁰ Руденко В. Н. Указ. соч. С. 149.

²¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : Инфра-М — Норма, 1998. С. 48.

человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти. Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права (нечто среднее между правом и пользой); всей политике следует преклонять колени перед правом»²².

Безусловно, речь не идет о тотальном контроле за экономическим развитием, в том числе за материальным состоянием человека. Подобное регулирование являлось бы неправовым, поскольку право как равная форма сво-

боды и ответственности должно обеспечивать и, более того, поддерживать добросовестную конкуренцию как фактор и стимул для всеобщего развития и прогресса, как естественное проявление природы человека. Однако в целях недопущения установления произвольного правового регулирования закон, выраженный в равной форме свободы и ответственности, должен основываться на императиве сохранения природы человека, то есть форма равенства должна быть рациональной, а не в виде «сплошной» уравниловки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алпатов А. А. Право и экономика: вопросы соотношения // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 4. — С. 3–22.
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — 2-е изд. — М. : Изд-во МГУ : Инфра-М — Норма, 1998. — 624 с.
3. Жуков В. Н. Философия права : учебник для вузов. — М. : Мир философии ; Алгоритм, 2019. — 559 с.
4. Зорькин В. Д. Право против хаоса. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2019. — 368 с.
5. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. — М., 1994. — Т. 1. — 584 с.
6. Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. — М. : Норма, 2004. — 832 с.
7. Королев И. С. Америкацентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты) // Анализ и прогноз. — 2020. — № 1. — С. 12–22.
8. Новое измерение в науке // В мире науки. — 2020. — № 1–2.
9. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. — М. : ИЗиСП : Норма : Инфра-М, 2021. — 184 с.
10. Пути развития философии права в России: круглый стол Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН (Москва, 7 декабря 2016 г.) // Российский журнал правовых исследований. — 2017. — № 1 (10). — С. 9–49.
11. Руденко В. Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. — 2019. — Т. 19, вып. 4. — С. 138–155.
12. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее : Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. — М. : АСТ : Люкс, 2004. — 352 с.
13. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы : пер. с нем. — М. : Весь мир, 2002. — 144 с.
14. Чанг Ха-Джун. Как устроена экономика / пер. с англ. Е. Ивченко ; науч. ред. Э. Кондукова. — 7-е изд., доп. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 21 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Alpatov AA. Pravo i ekonomika: voprosy sootnosheniya [Law and economics: Issues of correlation]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2010;4:3-22. (In Russ.).
2. Berman GJ. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya [The Western tradition of law: the age of formation]. Moscow: MSU: Infra-M — Norma; 1998. (In Russ.).
3. Zhukov VN. Filosofiya prava: uchebnik dlya vuzov [Philosophy of Law: A textbook for universities]. Moscow: The world of philosophy; Algoritm; 2019. (In Russ.).

²² Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М., 1994. Т. 1. С. 461.

4. Zorkin VD. Pravo protiv khaosa [Law against chaos]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma: Infra-M; 2019. (In Russ.).
5. Kant I. Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh [Essays in German and Russian]. Moscow; 1994. Vol. 1. (In Russ.).
6. Baglaya MV, Leybo Yul, Entin LM, editors. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran: uchebnik dlya vuzov [Constitutional law of foreign countries: A textbook for universities]. Moscow: Norma; 2004. (In Russ.).
7. Korolev IS. Amerikanotsentrizm i mnogopolyarnost v globalnoy ekonomike (torgovo-politicheskiy i finansovyy aspekty) [Americanocentrism and multipolarity in the global economy (trade, political and financial aspects)]. *Analiz i prognoz [Analysis and forecasting]*. 2020;1:12-22. (In Russ.).
8. Novoe izmerenie v nauke [A new dimension in science]. *V mire nauki [In the world of science]*. 2020;1-2. (In Russ.).
9. Pashentsev DA, Zaloilo MV, Dorskaya AA. Smena tekhnologicheskikh ukladov i pravovoe razvitiye Rossii [The change of technological patterns and the legal development of Russia]. Moscow: IZiSP: Norma: Infra-M; 2021. (In Russ.).
10. Puti razvitiya filosofii prava v Rossii: kruglyy stol Mezhdistsiplinarnogo tsentra filosofii prava Instituta filosofii RN (Moskva, 7 dekabrya 2016 g.) [Ways of development of the philosophy of law in Russia: Round table of the Interdisciplinary Center for the Philosophy of Law of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, December 7, 2016)]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian Journal of Legal Research]*. 2017;1(10):9-49. (In Russ.).
11. Rudenko VN. Populistskiy kontsept zashchity prav cheloveka v usloviyakh krizisa soglasitelnykh politicheskikh sistem [Populist concept of human rights protection in the context of the crisis of conciliatory political systems]. *Antinomii [Antinomies]*. 2019;19(4):138-155. (In Russ.).
12. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii [Our Posthuman Future: The Consequences of the Biotechnological Revolution]. Transl. by Levin MB. Moscow: AST: Lux; 2004. (In Russ.).
13. Habermas J. Budushchee chelovecheskoy prirody [The future of human nature]. Transl. from Germ. Moscow: Ves mir; 2002. (In Russ.).
14. Chang Ha-Joon. Kak ustroena ekonomika [How the economy works]. Transl. from Eng. by Ivchenko E. 7th ed., suppl. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2020. (In Russ.).